УДК 332.8: 369.011(571.6)

Ярославцева Татьяна Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск).
E-mail: mu322@mail.ru

Tat'yana AleksandrovnaYaroslavtseva – Candidate of History, docent of the public and municipal administration chair of the Far-Eastern institute of management – FGBOU VPO branch "The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation" (Khabarovsk).
E-mail: mu322@mail.ru

Т.А. Ярославцева
T.A. Yaroslavtseva

Взаимообусловленность развития ЖКХ и качества жизни дальневосточного социума

Уровень и качество жизни населения являются важнейшими критериями оценки эффективности социально-экономической политики государства. Уровень и качество жизни населения на Дальнем Востоке мы предлагаем рассматривать через систему жизнеобеспечения, функционирующую в определенной социально-экономической среде и взаимодействующую с системой хозяйствования государства в жилищно-коммунальной сфере (далее – ЖКХ).

Inter-conditionality of development of the housing and communal services and the quality of life of the Far-Eastern society

The level and quality of life of the population are the most important criteria of an assessment of efficiency of the social and economic policy of the state. In the Far East we suggest to consider the level and quality of life of the population through the life support system functioning in the certain social and economic environment and interacting with the system of managing of the state in the housing-and-municipal sphere (further – housing and communal services).

Ключевые слова: *развитие Дальнего Востока, население Дальнего Востока, уровень и качество жизни дальневосточников, система жизнеобеспечения, жилищный сектор ЖКХ, коммунальный сектор ЖКХ, развитие, стагнация ЖКХ, миграция населения Дальневосточного региона.*

Keywords: *development of the Far East, population of the Far East, level and quality of life of the Far-Easterners, life support system, housing sector of*

housing and communal services, municipal sector of HCS, development, stagnation of housing and communal services, population shift of the Far-Eastern region.

Дальний Восток – крупнейший район страны по территории – 6,2 млн. км^2 (36,4% территории Российской Федерации). Численность населения по состоянию на 1 января 1993 г. – 8,032 млн. чел., что составляет 5,4% населения Российской Федерации. Население многонациональное, малочисленное, средняя плотность – чуть более 1 чел./км^2 сосредоточено, в основном, в благоприятной южной части вдоль Транссибирской магистрали. Уровень урбанизации составляет 76%, это один из самых высоких уровней в России. Крупные дальневосточные города: Хабаровск, Владивосток, Магадан, Петропавловск-Камчатский. Если в Российской империи для городов были характерны торговые и транспортные функции, то в СССР преобладали обрабатывающая промышленность, энергетика, были развиты учреждения управления, науки, образования, культурно-бытового обслуживания. В годы советской власти на Дальнем Востоке возникли 318 городских поселений, в том числе 47 городов и 4674 сельских населенных пункта. В сельской местности создавались крупные машинные хозяйства (на базе использования мощной техники), центры производства по переработке сельскохозяйственной продукции, лесопромышленные, промысловые, транспортные, разрастались поселки геологических партий, пункты гидрометслужбы, что позволяло обеспечить условия жизни ближе к городским [1].

Уровень и качество жизни населения являются важнейшими критериями оценки эффективности социально-экономической политики государства. Качество жизни – субъективная оценка степени удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, включающая следующую параметрическую структуру: качество жизнедеятельности, условий проживания, среды обитания, коммуникационного обеспечения. К основным критериям качества жизни населения относятся: уровень благосостояния населения, демографические показатели, рынок труда и занятости, образовательный уровень, состояние среды обитания и др. Существенное влияние на уровень и качество жизни населения оказывают факторы: экономико-географическое положение; природно-климатические условия; природно-ресурсный потенциал; демографический потенциал и структура населения; структура и специализация хозяйства; финансовая обеспеченность; тип (уровень) социально-экономического развития региона. Найти относительную меру уровня и качества жизни чрезвычайно сложно в силу сложности и многогранности самого объекта измерения, поскольку потребности людей в материальных и духовных благах находятся в постоянном изменении и развитии, зависят от системы внешних и внутренних факторов, в том числе: демографических характеристик населения; санитарно-гигиенических условий жизни; жилищных условий, доходов и расходов населения; организации социальных систем

(образования, культуры, труда, занятости, отдыха, социального обеспечения) и др.

Индекс человеческого развития (далее – ИЧР), получивший широкое распространение с 1990 г. (UNDP 1990) в 120 странах мира, включая Россию, который по своей популярности превзошел другие комплексные индексы уровня жизни («физического качества жизни», «человеческого страдания» и др.), построен на основе концепции человеческого развития, ключевые положения которой состоят в следующем: человеческое развитие представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей; уровень благосостояния критически зависит от возможности прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания, иметь доступ к ресурсам, обеспечивающим достойную жизнь; доход рассматривается как средство, расширяющее человеческий выбор, т. е. предоставляющее большую свободу выбора и больше вариантов для достижения выбранной цели; позитивное воздействие дохода на человеческое развитие ослабевает по мере его роста (принцип «убывающей предельной полезности дохода»).

В начале 90-х гг. XX в. по ИЧР Россия была в группе высокоразвитых стран (52-е место). К середине 1990-х гг. ее рейтинг снизился до 72-го места и она переместилась в категорию среднеразвитых стран. Однако в России очень значительны региональные различия. ИЧР отдельных регионов отличаются как индексы разных стран. Регионы, имеющие более мощную экономическую базу, имеют и более высокий уровень развития населения. В условиях высокой межрегиональной дифференциации анализ ИЧР по каждому региону позволяет оценить эффективность региональной политики, в целом, и в жилищно-коммунальной сфере, в частности.

Оценить эффективность государственной политики в жилищно-коммунальной сфере можно с точки зрения функционирования социального организационно-управленческого механизма в части предоставления льгот, пособий, субсидий. Используем предложенное Е.С. Гервиц понятие «... предельный эффект государственной политики – прирост текущего удовлетворения потребности населения в жилье и качественных жилищно-коммунальных услугах» [2]. В зависимости от задач государства под общим социальным эффектом может пониматься не только уровень удовлетворения потребности в жилье, но и частные показатели: объем вводимого жилья; объем привлекаемых средств; доля населения, имевшая возможность решить свои жилищные проблемы самостоятельно.

За длительную историю освоения и развития Дальнего Востока можно выделить несколько сменявших друг друга моделей жизнеобеспечения населения, определявших стратегию и тактику хозяйствования государства в жилищно-коммунальной сфере, в том числе направленных на повышение благосостояния дальневосточников. Как справедливо отмечал В.З. Черняк, жилье следует рассматривать как «… часть общей системы развития территорий, где создается не просто квартира или дом, а образ жизни» [3]. Однако жилищный вопрос традиционно рассматривался в совокупности

проблем, относящихся к неудовлетворительным условиям жизни отдельных групп населения.

В дореволюционной модели жизнеобеспечения переселенцев государственное участие для удовлетворения потребности населения в жилищно-коммунальных услугах носило регулирующий характер. С середины XVII в. и до 40-х гг. XIX в. с целью освоения и заселения Дальнего Востока государство представляло первопроходцам возможность самостоятельно закрепляться на новых территориях и обеспечивало лишь политическую поддержку «автономным усилиям предпринимателей» [4]. В тот период средства транспорта и связи были не развиты, и дальневосточные земли были малодоступны, что создавало для государства и переселенцев определенные трудности в регионе. В тот период финансовая и иная помощь для населения Дальнего Востока от государства была минимальной, если не сказать отсутствовала совсем.

Анализ жизнеустройства переселенцев в Приамурском крае показал, что человек не мог оторваться от природной и социальной среды. Прибытие переселенцев на Дальний Восток изменило привычную для них среду обитания, нарушило не только природные, но и социальные и интеллектуальные условия жизни человека, часть из которых он был в состоянии организовать для себя сам, но по различным причинам (отсутствие семьи, средств, здоровья, наличия вредных привычек и др.) делать этого не желал или был не в состоянии. Данные обстоятельства являлись одной из причин высокого уровня миграции.

Однако с середины XIX в. государство заняло активную позицию в освоении региона и упрочнении контроля России над притихоокеанскими землями. Пришло понимание того, что «... нельзя делать русского дела на Дальнем Востоке не околонизовав окраины русскими трудовыми массами. Для этого, в свою очередь, массы эти должны иметь возможность лучшего существования, чем на своей родине до переселения» [5]. До 1917 г. государство выделяло значительные ресурсы для поддержки переселенцев (кредиты, ссуды, снижение транспортных тарифов, льготы и др.). Экономические барьеры на западном направлении были смягчены протекционистской политикой, внешние взаимодействия со странами АТР не ограничивались. Развитие Дальнего Востока носило аграрный характер, с сильной оборонной компонентой. Государственные военные заказы и поставки в регион оплачивались казной по фактической стоимости, а частные производители ориентировались только на те рынки и продукты, затраты на которые были рентабельны. Это давало возможность быстрого роста благосостояния большей части гражданских переселенцев. Так, если в семье переселенца были свободные рабочие руки, то через два года семья переходила в категорию середняков, что позволяло обзаводиться домом, расширять хозяйство и предпринимательское дело.

В первые годы заселения дальневосточных территорий жилищное строительство было выведено из налогообложения. Освобождались от налогообложения при определенных условиях отдельные группы налогоплательщиков (религиозные объединения, общественные организации

инвалидов, музеи, библиотеки, богадельни), которые участвовали в создании социальной инфраструктуры. Льготы предоставлялись также на ведение хозяйства владельцам социально значимых объектов (бань, прачечных и др.). В результате, на русском Дальнем Востоке быстро росло число объектов жилищной и коммунальной инфраструктуры, создавались благоприятные условия для жизнеобеспечения и жизнедеятельности местного населения и переселенцев. Вместе с тем, обзаводиться жильем для постоянного проживания стремились немногие. Большинство наемных работников чувствовали себя временщиками и отказывались строить капитальные дома, предпочитая жить в бараках и казармах работодателя. Переселенцы не желали производить даже ремонт в казармах, из-за чего «… казармы, в которых помещались рабочие, приходили в ветхость, имели вид темный и грязный» [6]. Жилищные условия промысловых рабочих также были крайне тяжелыми. Известный мореплаватель И.Ф. Крузенштерн отмечал, что они «... по недостатку строений… в большей части живут в юртах, в подземельных весьма вредных жилищах» [7]. Врач Г.И. Лингсдорф, участник экспедиции Крузенштерна, так описывал эти условия: «... В заведениях не было ни печей, ни камельков, и теплота происходила от воздуха, зараженного испарением множества людей, не имеющих понятие о чистоте» [7].

С развитием городского общественного управления решению вопросов водоснабжения и благоустройства в городском хозяйстве отдавали приоритет. В годы экономического подъема (1906 – 1913 гг.) стали наблюдаться определенные позитивные сдвиги в улучшении жилищных условий. Под воздействием экономического прогресса, переживаемого дальневосточной окраиной, медленно, но все же менялся к лучшему уровень жизни ее населения, что формировало потребность повышения качества жилищных и коммунальных услуг. Регулирование общественных отношений осуществлялось методами правового регулирования и стимулирования. Сочетание их элементов: хозяйственного и договорного способов; процедур конкурса и муниципального заказа; операций по залогу и гарантийным обязательствам с приемами ценообразования, кредитования, контроля, предоставления льгот, – позволило создать благоприятные условия для хозяйственной деятельности разных групп населения и органов власти в жилищно-коммунальной сфере.

В советской модели жизнеобеспечения переселенцев государственное участие для удовлетворения потребности населения в жилищно-коммунальных услугах носило не только регулирующий, но и обеспечивающий характер. С 1917 до 1930 гг. Дальний Восток развивался как относительно автономный экономический район. Ресурсы из центра практически не поступали. Государственный протекционизм по отношению к региону исчез, что создало экономический барьер на его западных границах. Однако восточные границы оставались свободны, и внешняя торговля давала до 30% всех ресурсов накопления в тот период. Корейские и китайские эмигранты составляли значительную часть трудовых ресурсов.

Стратегия развития Дальневосточного региона определялась концепцией его хозяйственного освоения, которая определялась потребностью в трудовых ресурсах. С целью формирования трудового потенциала региона важная роль отводилась закреплению новоселов в регионе. С этой целью государством были установлены переселенческие льготы: единовременное денежное пособие, освобождение от уплаты налогов, ссуды на строительство домов и покупку коров и другие. Однако ситуация осложнялась массовым характером переселения и отсутствием инфраструктуры ЖКХ, как таковой, которую предстояло ещё создать.

Дефицит жилья и неразвитость услуг жилищно-коммунального комплекса значительно повлияли на уровень благосостояния и формирование образа жизни населения. Анализируя жилищную политику, проводимую советским правительством за 12 лет (1918 – 1930 гг.), В. Гефдинг пришел к выводу, что «... население российских городов надолго обречено жить в тяжелейших условиях, недостойных человека, которые не только несут с собой тяжелые материальные лишения, но и ведут к тяжелейшим и гораздо более серьезным потерям» в будущем. Скученность совершенно чужих друг другу людей, да и целых семей, в небольшом помещении приводит к постепенному «… изнурению здоровой семьи, духовному огрубению и снижению нравственного уровня у подрастающей российской молодежи» [8, 9]. В тот период уровень жизни населения региона был значительно ниже общероссийского.

Дальний Восток многие годы имел значительный прирост населения. Динамику населения можно представить по данным переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (рис. 1.).

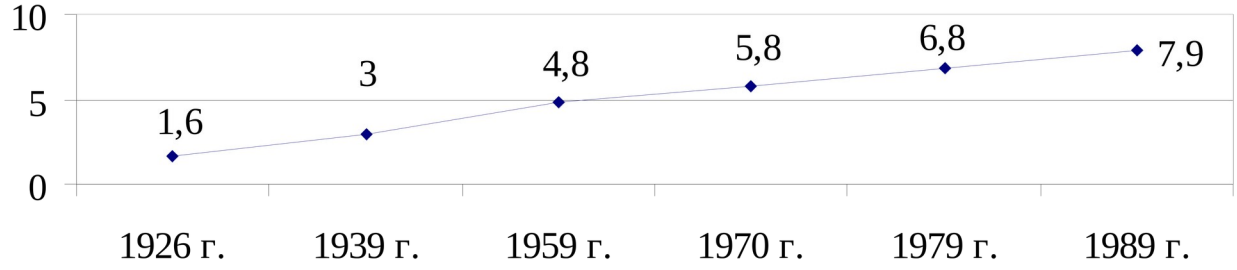


Рис. 1. Численность населения Дальнего Востока (млн. чел.)

В 1930 – середина 1980 гг. государственное участие в развитии региона усилилось. Ресурсы развития практически полностью поступали из центра, из государственного бюджета компенсировали транспортный тариф, повышенную заработную плату, повышенные затраты на тепловую и электрическую энергию. Создавались условия по стимулированию притока населения: организованный набор с предоставлением определенных льгот; меры по обустройству переселенцев, в том числе строительство для них домов; для населения, проживающего в северных районах, были установлены льготы; в южных районах с 1946 г. введены надбавки к заработной плате. Население Дальнего Востока за время между переписями 1926 г. и 1939 г.

увеличилось на 89,3%, а в России – на 16,9%. За 1940 – 1958 гг. население в регионе увеличилось на 62,4%, а в РСФСР – на 8,4%. Это был период массового заселения региона. Среднегодовой темп прироста всего населения на Дальнем Востоке достиг 2,2%, что в два раза выше аналогичного показателя в России [10]. Однако отмена в 1956 и 1960 гг. северных льгот, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия послужили причинами для активизации оттока переселенцев. Л.М. Медведева, С.А. Пискунов [11], анализируя причины выезда переселенцев в 1950 – 1960-х гг., отмечали, что в партийные и советские органы поступали жалобы на плохое хозяйственное устройство (отсутствие жилья, неполная подготовка жилых строений и надворных построек и т. п.) – 65 жалоб из 147 (44%). И в следующий межпереписной период с 1959 по 1970 гг. основным источником роста численности дальневосточного населения являлся преимущественно естественный прирост – 82,5%.

И. Эекхофф (ФРГ) и Л.Г. Ходов [12], характеризуя целесообразность государственной жилищной политики, отмечают, что «… жилища являются таким же благом, как и любой другой товар или услуга. Их часто называют социальными благами, потому что они совершенно необходимы для жизни, как свет, воздух и вода, независимо от платежеспособности потребителей» [13]. Сбои в системе жизнеобеспечения, состояние которой непосредственно определяет не просто благополучие и удовлетворение самых примитивных потребностей человека, «… угрожают интересам подавляющего большинства населения региона и страны в целом», – считает политолог С.Г. Кара-Мурза. Как отмечает Л.А. Слабнина, «... долгие десятилетия за кадром оставался материальный стимул постоянного проживания в крае – лучшие жилищные условия и более доступное жилье, достойная система образования, снабжения, медицинского обслуживания» [14]. Недооценка значения ЖКХ в развитии региона рождала у переселенцев психологию временщиков со всеми вытекающими последствиями. Льготы, которые должны были привлечь на дальневосточную окраину России людей, выполняли свою роль, но, чтобы они остались на постоянное проживание, потребовалось развивать социальную и жилищно-коммунальную инфраструктуры. Приоритетным направлением становится жилищное строительство, что послужило сдерживающим фактором оттока населения.

Девятая пятилетка (1971 – 1975 гг.) не имела себе равных по объему жилищного и культурно-бытового строительства. В 1975 г. было введено в эксплуатацию жилой площади в 2 раза больше, чем в 1965 г. Однако сельские дома отличались низкой обеспеченностью коммунальными услугами: водоснабжение имели лишь 20% квартир, канализацию – 15%, центральное отопление – 15%, горячей водой снабжались всего 5% квартир. Благоустроенное жилье в сельской местности было, скорее, исключением, чем правилом. Сельские жители отдавали предпочтение одноэтажным одно- и двухквартирным домам с приусадебными участками и надворными постройками для домашнего скота и птицы. В многоквартирных домах с

полным коммунальным обустройством, но без хозяйственных построек и огорода сельчане жить не желали.

С целью повышения роли общественных призывов и стимулирования самостоятельных мигрантов в 1961 г. были восстановлены северные льготы; установлена выплата подъемных молодым специалистам; введен коэффициент к заработной плате для рабочих и служащих легкой и пищевой промышленностей, просвещения, здравоохранения; введены дополнительные льготы: начисление процентных надбавок, надбавки за непрерывность стажа работы в южной части региона. В 1973 г. введены льготы для населения в сельской местности. Период 1981 – 1985 гг. характеризовался высокими темпами прироста населения, обеспеченными естественным и миграционным компонентами.

Привлечение населения в трудодефицитные восточные районы страны путем формирования у мигрантов экономических интересов к переезду на новое место жительства давало самые высокие темпы прироста населения среди экономических районов России. Динамика удельного веса миграции в приросте общей численности населения Дальнего Востока выглядит следующим образом: 1971 – 1975 гг. – 38,3%, 1976 – 1980 гг. – 37,1%; 1981 – 1985 гг. – 36,8%; 1986 – 1990 гг. – 17,2% [15].

В одиннадцатой пятилетке (1981 – 1985 гг.) по объемам ввода в эксплуатацию жилья Приморский и Хабаровский края заметно опережали остальные районы Дальнего Востока. Создание жилищного фонда позволило увеличить норму жилой площади к 1985 г., в среднем, на одного человека от 10 до 15 м^2, в том числе по областям : Еврейской – до 13,5 м^2 (13,9 м^2 – для городского жителя); Камчатской – 11,3 м^2; Магаданской – 12 м^2 (12,2 м^2); Амурской – 12,3 м^2 (14,3 м^2); Сахалинской – 14,1 м^2 (13 м^2); Приморском крае – 13,2 м^2 (13,4 м^2) и Хабаровском крае – 13,5 м^2 (14,2 м^2); Чукотском автономном округе – 10,9 м^2. Однако с ростом численности населения темпы жилищного строительства отставали от потребностей дальневосточного социума, окончательно решить задачу – каждой семье благоустроенную квартиру – не удалось. В данный период численность населения Дальнего Востока увеличилась на 499 тыс. чел. и составила к середине 1980-х гг. 6642 тыс. чел., в том числе городского – 5272 тыс. чел., сельского – 1370 тыс. чел.

Во второй половине 1980-х гг. интенсивность развития региона снизилась, что отрицательно отразилось на социально-экономическом равновесии и качестве жизни дальневосточников. Последняя максимальная численность населения на Дальнем Востоке (8056,6 тыс. чел.) была зафиксирована на 1 января 1991 г. После этого численность населения в регионе стабильно сокращалась. За период реформ Дальний Восток России утратил свои приоритеты развития по многим позициям в экономической и социальной сферах. Экономика региона трансформировалась в экономику индустриального типа с сильным добывающим сектором и сильной оборонной промышленностью в рамках единого народнохозяйственного плана. Регион выполнял функцию поставщика на внутрисоюзный рынок сырьевых ресурсов и функцию экономической базы Тихоокеанского флота и Дальневосточного

военного округа. При полной интегрированности региона с внутрисоюзным рынком действовал жесткий барьер на его восточных границах. Эта ситуация отразилась на темпах развития региона в целом, функционировании ЖКХ и, как следствие, на качестве жизни дальневосточников и притоке населения в регион.

Среднегодовые темпы прироста числа жителей в 1986 – 1990 гг. снизились с 2,2% до 1,2%. В 1989 – 1990 гг. отрицательное значение приобрела миграция. За пределы Дальнего Востока выбыли 11,3 тыс. местного населения. Миграционный отток в 1991 г. составил 66,1 тыс. чел., что превысило естественный прирост (42,1 тыс. чел.) и впервые уменьшило общую численность населения на 24 тыс. чел. или на 0,3%. Предпосылкой к такой ситуации послужили: общеэкономический кризис; распад СССР; состояние экономики Дальнего Востока, находившейся в затяжном кризисе; усложняющаяся ситуация в сфере занятости; низкая оплата и неудовлетворительные условия труда; жилищные и другие проблемы явились в условиях экономической нестабильности главными причинами оттока населения из региона. Условия жизни и миграция – взаимосвязанные процессы.

В экономике Дальнего Востока стали особенно заметно проявляться тенденции, которыми характеризуется инфляционный процесс: при снижении производительности труда резко увеличились темпы прироста заработной платы (на 2,7% – в 1986 г. и на 7,0% – в 1987 г.). Сложившаяся среднемесячная заработная плата рабочих и служащих на Дальнем Востоке не компенсировала повышенные затраты на проживание здесь, хотя была на 50% выше, чем в целом по стране (1988 г. – 219 руб.) и незначительно превышала этот показатель в центральных районах. В Москве, к примеру, среднемесячная заработная плата в 1988 г. составляла 219 руб. [16].

Следующая нерешенная проблема, которая отрицательно влияла на отношение к проживанию на Дальнем Востоке – неудовлетворительная обеспеченность предметами потребления. Между тем, в общем объеме промышленного производства (при невысоком удельном весе производства предметов потребления) происходило постоянное снижение их доли (32,4% – в 1980 г. и 29,3% – в 1987 г.), товаров народного потребления на душу населения производилось на 805 руб. (в РСФСР – на 1119 руб.) [17]. Региональный рынок не способен был удовлетворить потребности населения в продовольственных и промышленных товарах, что привело к превышению доходов населения над его расходами (табл. 1).

С начала перехода к рыночным отношениям (1991 – 1992 гг.) впервые на Дальнем Востоке зарегистрировано снижение общей численности населения, особенно в городах. Численность горожан из-за миграционного оттока уменьшилась на 0,1 млн. чел., но уже в 1993 г. – на 245,8 тыс. чел. Наиболее критическая ситуация складывалась в Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях, где исключительно все городские поселения потеряли своих жителей. Интенсивный отток населения, особенно из северных территорий региона, был обусловлен тем, что установленные государством

льготы и надбавки к заработной плате в условиях галопирующей инфляции потеряли стимулирующую роль и перестали обеспечивать достойный уровень жизни.

Таблица 1

Соотношение денежных доходов и расходов населения Дальнего Востока за 1970 – 1993 гг. (в %)

	Года	**Примор-ский край**	**Хаба-ровский край**	**Амур-ская область**	**Камчат-ская область**	**Магадан-ская область**	**Саха-линская область**
Расходы населения на покупку товаров и оплату услуг	1970 г.	82,9	87,1	82,9	65,8	60,2	74,2
	1975 г.	82,0	84,8	80,3	66,3	59,0	72,1
	1980 г.	83,9	82,7	82,9	66,4	59,2	74,0
	1985 г.	81,7	82,1	80,3	63,3	56,5	70,3
	1990 г.	77,5	79,8	69,9	59,9	55,8	70,0
	1993 г.	62,0	47,8	57,5	37,4	32,6	46,9
Обязатель-ные платежи и Разно-образные взносы	1970 г.	12,6	12,3	11,5	27,9	32,1	21,2
	1975 г.	13,1	13,2	12,4	26,9	32,4	22,3
	1980 г.	13,4	14,9	14,0	28,7	34,1	22,2
	1985 г.	13,4	14,7	14,4	28,1	32,8	22,4
	1990 г.	12,7	13,8	16,0	28,6	31,0	19,6
	1993 г.	9,3	12,4	10,7	20,5	10,1	13,2
Прирост сбереже-ний во вкладах, госзаймах, сертифи-катах	1970 г.	3,2	2,9	3,0	3,5	3,7	2,6
	1975 г.	3,6	3,6	3,6	3,7	4,1	3,5
	1980 г.	2,1	2,3	2,0	1,2	1,5	1,9
Превыше-ние доходов населения над его расходами*	1985 г.	3,8	3,3	2,3	4,2	4,4	4,1
	1990 г.	6,6	5,4	8,8	1,8	3,7	4,5
	1993 г.	9,6	11,4	7,7	3,9	9,5	8,7
	1970 г.	1,3	-2,3	2,6	2,8	4,0	2,0
	1975 г.	1,3	-1,6	3,7	3,1	4,5	2,1
	1980 г.	0,6	0,1	1,1	3,7	5,2	1,9
	1985 г.	1,1	-0,1	3,0	4,4	6,3	3,2
	1990 г.	3,2	1,0	5,3	9,7	9,5	5,9

	1993 г.	19,1	28,4	24,1	38,2	47,8	31,2

**Доходы населения взяты за 100%*

Таблица составлена по: Российский статистический ежегодник. – 1994. – стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1994. – С. 488, 491, 494, 497, 500, 509.

В период между двумя реформами («косыгинской» – 1964 – 1967 гг. и «горбачевской» – 1986 – 1990 гг.) структурно и концептуально экономический комплекс Дальнего Востока окончательно сформировался в том виде, в котором он вошел с 1991 г. в радикальную («ельцинскую») экономическую реформу [4, с. 173]. В тот же период сформировались все основные тенденции и диспропорции, повлиявшие на снижение темпов и качество развития региона.

Формирование структурных диспропорций происходило в результате отставания в развитии отраслей народно-хозяйственной специализации и остальной части экономического комплекса (транспорта, строительной базы, гражданского машиностроения и металлообработки, топливно-энергетического комплекса, сельского хозяйства). Социальные диспропорции накапливались между развитием материального производства и социальными условиями в регионе, определяющими, в конечном счете, возможности и смысл развития самих отраслей народнохозяйственного комплекса. После 1965 г. ни один пятилетний план в отношении Дальнего Востока не был выполнен, что повлекло за собой прогрессирующие потери финансовых и материально-вещественных ресурсов, предназначенных для развития региона, в том числе в ЖКХ.

Ю.С. Янковская, О.А. Ульчицкий подчеркивали, что в 1970-е гг. понимание того, что количество квадратных метров жилой площади не является единственным показателем качества жилища привело к необходимости поиска оптимальных приемов для повышения психологического и экологического комфорта жилища (начиная с квартиры, общего холла, внутренних пространств дома и заканчивая двором и взаимосвязью дома с городским пространством) и стало критерием качества и экономической эффективности решений современной жилой среды [18]. Вместе с тем, заслуживает внимания утверждение Ю.К. Толстого о том, что «... бесплатное предоставление жилья из государственных фондов порождало иждивенческие настроения и становилось для государства более непосильным по содержанию» [19].

После перестройки в регионе стоит острейшая проблема с жильем, его благоустройством. На одного жителя, по данным за 1987 г., на Дальнем Востоке приходилось 13,1 м^2 полезной площади (в РСФСР – 15,5 м^2), хуже, чем в республике находился уровень благоустройства обобщенного жилого фонда, особенно в сельской местности. Так, всего 88% городского жилищного фонда было оборудовано водопроводом (в РСФСР – 93%), сельского – 31% и 43%, газом, соответственно – 29% и 73% (городская

местность) и 41% и 75% (сельская местность) [20]. В условиях, когда сложилась острейшая ситуация с обеспечением жилья и развитием сферы социальной инфраструктуры, уровень жизни дальневосточников значительно снизился.

Таким образом, оценивая государственную политику в жилищно-коммунальной сфере на Дальнем Востоке, следует констатировать, что в системе жизнеобеспечения дальневосточников явно проявляются взаимообусловленные тенденции развития региона и ЖКХ, повлиявшие на уровень и качество жизни населения. С одной стороны, развитие региона, для которого потребовались значительные трудовые ресурсы, повлекло за собой потребность создать систему жизнеобеспечения, обеспечивавшую благоприятные жилищно-бытовые условия для переселенцев с целью сохранения трудового потенциала на данной территории, с другой, – развитие жилищно-коммунального комплекса обусловило повышение уровня жизни дальневосточников, а стагнация отрасли – снижение уровня и качества жизни граждан и, как следствие, усиление оттока населения из региона.

С 1990 г. Дальневосточный регион вступил в этап кризисного снижения производственной активности со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями, и без того сохраняя положение слабо развитой социально-экономической системы. Уже к 1991 г. планы развития региона не соответствовали экономическим реалиям страны, возможности централизованного воздействия за счет финансовых вливаний из центра были исчерпаны и не оказывали заметного влияния на ситуацию в регионе. Одновременно жилищно-коммунальное хозяйство оказалось в кризисной ситуации и практически стало неуправляемой отраслью народнохозяйственного комплекса страны, в целом, и региона, в частности. Повышение благосостояния населения прекратилось, так как без адекватной не только производственной структуры, но и инфраструктуры ЖКХ и социально-культурной сферы повысить уровень жизни дальневосточников было невозможно, что незамедлительно отразилось на качестве жизни дальневосточников и привело к ускорению оттока населения. С 1991 г. практически отсутствуют позитивные моменты формирования населения в регионе как за счет миграции, так и путем естественного воспроизводства, и разрушаются основы народонаселения на его территории.

Нигде в стране не обнаруживается такого разрыва между потенциалом развития и степенью его реализации, как на территории Дальнего Востока, и нигде не существует такой зависимости ЖКХ от саморазвития макрорегиона, от политики «федерального центра». «ЖКХ с конца 1980-х гг. на глазах всего общества постепенно деградировало» [21], но все внимание было направлено на позитивное развитие, связанное со строительством нового жилья, поэтому система хозяйствования в жилищно-коммунальной сфере стала критической социальной проблемой в России.

Разрушение ЖКХ – понятная и измеримая угроза искусственно созданной системе жизнеобеспечения, через которую видно общее аномальное состояние государства и общества. В советское время «чувство

хозяина» было заменено «планом по техническому обслуживанию», которое было предписано нормативами, и средства на него закладывались в план вплоть до списания объекта. Это привело к утрате механизмов и норм, которые побуждали людей вкладывать средства и усилия в содержание того искусственного мира культуры, в котором живет человек.

Жизнь семьи, общества, страны требует особой деятельности по жизнеустройству каждого человека, в которой неразрывно связаны два разных вида – создание и сохранение объектов ЖКХ. Каждый вид деятельности в жилищно-коммунальной сфере по-разному осмысливается и организуется. Старение жилищного фонда, быстрый переход его в категорию ветхого и аварийного ставят под угрозу физическую безопасность многих жителей России. Согласно общепринятой норме, износ каменных строений достигает 70% через 40 лет, а полного износа – через 59 лет. Если не проводить своевременно капитальный ремонт домов (каждые 30 лет), то «… ветхий и аварийный фонд ежегодно будет прирастать на 40%» [21, с. 75]. Почти 40% россиян проживают в домах, построенных до 1970 г., то есть этим домам по 40 – 50 и более лет. Не менее четверти этих домов относятся к ветхому и аварийному жилому фонду (почти 200 млн. $м^2$ жилья). Половина россиян живут в домах 1970 – 1990 гг. постройки [22].

Состояние ЖКХ является одним из основных показателей уровня жизни населения, и власти следует стремиться к выравниванию его на всей территории страны [23]. Уровень жизни населения отдельных регионов, таких как Дальний Восток, может быть повышен за счет государственной поддержки ЖКХ, что позволит поднять жилищно-коммунальное обслуживание населения отдаленных от административного центра территорий и преодолеть кризисное состояние хозяйствующих субъектов в жилищно-коммунальной сфере.

Литература и источники:

1 Кошкарева, Л. Д. Освоение и заселение территории Советского Дальнего Востока. Л. Д. Кошкарева // Проблемы Дальнего Востока. – 1979. – № 1. – С. 108 – 114.

2. Гервиц, Е. С. Совершенствование подходов к формированию жилищной политики в России / Е. С. Гервиц // Жилищное строительство. – 2007. – № 1. – С. 25.

3. Черняк, В. З. Жилищно-коммунальное хозяйство: развитие, управление, экономика / В. З. Черняк. – М. : Кнорус, 2007.

4. Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / П. А. Минакир ; отв. ред. А. Г. Гранберг. – М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2006. – С. 154.

5. Русское дело на Дальнем Востоке. Доклад С. Д. Меркулова Его Императорскому Высочеству великому князю Александру Михайловичу. – СПб., 1912. – С. 15.

6. ГАИО. – Ф. 712. – Оп. 1. – Д. 1469. –Л. 4.

7. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. – Вып. 4. – СПб., 1861. – С. 72.

8. Гефдинг, В. Жилищный вопрос в советской России / В. Гефдинг // Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. I, II. – М. : Русская книга, 2001. – С. 468 – 485.

9. Кобленц, И. Жилищное право / И. Кобленц. – М. : Изд-во Институт советского права, 1924. – С. 40.

10. Мотрич, Е. Л. Население Дальнего Востока России / Е. Л. Мотрич. – Владивосток – Хабаровск. – ДВО РАН, 2006 [Электронный ресурс] Социальные процессы в условиях трансформации городской системы на Дальнем Востоке в новейшее время : кол. монография / под. ред. В. В. Ким, Н. В. Шелковниковой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2011. – С. 14 – 15 – . – Режим доступа: www.demoscope.ru.

11. Медведева, Л. М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20 – 30 гг. XX в.) : монография / Л. М. Медведева. – Владивосток : Дальнаука, 2002. – 241 с. ; Пискунов, С. А. Жилищное строительство для переселенцев на Дальнем Востоке в 50 – 60 гг. XX в. (Миграционные процессы на ДВ (с древнейших времен до начала XX века)) : материалы Международной научной конференции, 17 – 18 мая 2004 г. / С. А. Пискунов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – 390 с.

12. Эекхофф, И. Цели и средства государственного регулирования жилищного хозяйства / И. Эекхофф, Л. Г. Ходов // Жилищное право. – 2008. – № 3. – С. 51 – 70 ; Эекхофф, И. Роль государства в жилищном хозяйстве / И. Эекхофф, Л. Г. Ходов // Жилищное право. – 2008. – № 5. – С. 13 – 25 ; Эекхофф, И. Жилищное хозяйство и государственная политика / И. Эекхофф, Л. Г. Ходов. – М. : ТЕИС, 2008.

13. Эекхофф, И. Какой должна быть рыночная жилищная политика? / И. Эекхофф, Л. Г. Ходов // Жилищное право. – 2008. – № 7. – С. 31 – 36.

14. Слабнина, Л. А. Государственная система льгот как средство привлечения населения на Дальний Восток : Пятые Крушановские чтения, 2006 г. . / Л. А. Слабнина // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций. В 2 т. Т. 1. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – С. 432 – 439.

15. Просвирнов, С. Миграционные связи Амурской области и Китайской Народной Республики на рубеже XX – XXI вв. / С. Просвирнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 1. – С. 73.

16. Забровская, Л. В. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 5. – С. 32.

17. Мотрич, Е. Л. Демография и экономика ДВР / Мотрич Е. Л. // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 32.

18. Янковская, Ю. С. Эволюция и оснащенность уральского жилища / Ю. С. Янковская, О. А. Ульчицкий // Жилищное строительство. – 2007. – № 4. – С. 27 – 30.

19. Толстой, Ю. К. Советское жилищное право / Ю. К. Толстой. – Л., 1967. – С. 22.

20. Мотрич, Е. Л. Демография и экономика ДВР // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 32.

21. Кара-Мурза, С. Г. Разруха в домах или умах? / С. Г. Кара-Мурза // Городское управление. – 2008. – № 6. – С. 74.

22. Березин, И. Дома, в которых мы живем / И. Березин // Городское управление. – 2008. – № 3. – С. 87 – 90.

23. Соловьев, В. В. Парадигма развития жилищно-коммунальной сферы в регионе / В. В. Соловьев // Экономика и управление. – 2008. – № 4. – С. 37 – 40.